

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова

Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан

Ассасин

Дэлл

Уровень: Магия

Ирина Котова

Королевская кровь.

Сорванный венец

Королевская кровь.

Скрытое пламя

Королевская кровь.

Проклятый трон

Королевская кровь.

Связанные судьбы

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора

Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла.

Испытание ведьмой

Нина Бархат,

Марина Багирова

Присвоенная

Лесса Каури

Золушки из трактира
на площади

Золушка вне закона

Жанна Лебедева

Сиреневый черный.
Гнев единорога

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров.

Здесь водятся драконы

Институт моих кошмаров.

Адские каникулы

Таис Сотер

Факультет прикладной магии.

Простые вещи

Кира Стрельникова

Своенравный подарок

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Ольга Романовская

Песочные часы

Юлия Григорьева

Погоня за сказкой

Ирина Зволинская

Охота на дракона

Алина Лис

Маг и его кошка

Алина Полянская

Магистерия

Анна Невер

Обжигающий след

Екатерина Богданова

Академия времени

Агата Бариста

Три королевских слова

Агата Бариста

Три королевских слова

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б24

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Анны Ларюшиной

Бариста, Агата.

Б24 Три королевских слова : [роман] / Агата Бариста. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-103929-5

Стоило ли рваться к независимости и спешить поступать в институт, если вместо развлечений пришлось работать, а начавшиеся отношения едва не закончились принесением меня в жертву?

Стоило! Это говорю вам я, Данимира Шергина, запертая из-за собственной наивности и глупости в чужом теле, в подпространстве с чудовищным монстром, без надежды выбраться обратно. Стоило, хотя на тот момент я была в отчаянии. Я просто не знала, что так начиналась моя история, в которой люди иногда являются чудовищами, а чудовища становятся людьми...

ISBN 978-5-17-103929-5

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Бариста, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2017

Посвящается любимой сказке детства —
фильму «Три орешка для Золушки».
Спасибо!

* * *

Если женщина заявляет, что она ведьма, то она, конечно же, таковою не является. Потому что настоящая ведьма не признается в этом ни за что в жизни. Ключевое слово здесь — «в жизни». Поэтому, когда я буду вынуждена объяснять некоторые обстоятельства своей истории тем, что я ведьма, придется учитывать тот факт, что я мертвая ведьма.

Ну, не совсем-совсем мертвая, но почти.

Так что, думаю, мне можно.

И теперь, когда отмечена эта маленькая тонкость, я начну.

А нет, еще не все.

Я собираюсь рассказывать свою историю старой седой крысе, которую сначала хотела съесть. Вернее, не то чтобы хотела в смысле «страстно желала», но некоторое время действительно обдумывала такую вероятность. А теперь я буду повествовать гипотетическому обеду, как я дошла до жизни такой.

Или вернее будет сказать «до смерти такой»?

Забавно.

И забавно, что мне все еще может быть забавно.

Наверное, я из тех людей, с которыми до конца остается не надежда, а ирония.

Мы беседуем, сидя между двумя зелеными мусорными контейнерами. Мне сложно говорить — даже на

телепатической анималингле, которая предполагает минимум физических усилий. Я смертельно устала, я хочу есть, пить и спать одновременно. Если бы не назойливое внимание крысы, я, наверное, прилегла бы на асфальт и скорей всего не встала бы уже никогда. Но крысе зачем-то надо знать всю мою подноготную, она толкает меня в грудь лапой с розовыми пальчиками, так похожими на человеческие, и командует:

— Не спи, ведьма Данимира, рассказывай. И то-ропись: если наши тебя заметят — полетят клочки по закоулочкам!

Голос у крысы хриловато-шершавый, чуть надтреснутый, как у старой актрисы МХАТовской за-калки, и манера произносить слова — тоже театральная, с четким проговариванием каждой буквы.

— Пусть полетят, — соглашаюсь я и собираюсь провалиться в заманчивое небытие.

Крыса коротко закатывает глаза — блестящие бузинные бусинки.

— О, святые отбросы! Соберись же! Тебя что-то держит на этой стороне, иначе бы ты никогда сюда не попала. — Она смотрит, не мигая, и задает вопрос: — Ради кого?

— Снежинка, — говорю я.

Нормальный человек сказал бы «ради себя» или «ради семьи». Или любви. Или мира во всем мире. Или назвал бы еще какой-либо более значимый якорь. Но здесь нет нормального человека, есть только я, поэтому повторю:

— Ради Снежинки.

Несколько секунд крыса смотрит на меня молча. Затем повторяет:

— Не спи, ведьма, говори, и, может быть, я помогу тебе.

— Зачем?

Действительно не могу понять.

— Я должна убедиться.

— А если не убедишься? — на мгновение оживляюсь я. — Клочки по закоулочкам, да?

Пальчики с острыми коготками снова тянутся к моей груди. Теперь я замечаю мерцающую полоску — браслет из рунного серебра обхватывает тонкую косточку запястья.

Кое-что проясняется.

— Ты крысиная ведьма!

Крыса снова мечет вверх-вниз глаза-бусинки и скупо усмехается левой половиной морды:

— Не отвлекайся, рассказывай.

— Не могу... Мысли ушли... нет мыслей... совсем... — объясняю я.

Крысиная ведьма недовольно передергивает усами, но спокойно произносит:

— Ладно, уж так и быть, сюда смотри. — Она вытягивается столбиком, разводит лапы в стороны и замирает на несколько секунд, как дирижер, который готовится к увертюре. Я даже слышу, как где-то начинает выводить нежный щемящий мотив невидимая флейточка, которая торопится сказать свое слово перед тем, как грянут литавры, и скрипки, и медь.

Крыса принимается плести воздушный колдовской сейд. Один пасс, другой, третий, четвертый... седьмой... пятнадцатый... Хрустальная паутина разворачивается с сердцевины — постепенно, по ломаной спирали; разрастается, захватывая пространство, прошивая его радужными иглами.

Прозрачная роза распускает лепестки в ущелье между мусорными контейнерами. Несколько раз ловкие пальчики смыкаются в резком движении. Я знаю этот прием — он называется «степлер», мама часто его использует.

Слежу за ловкими отточенными движениями — и вскоре вижу, что тенета для концентрации внимания готовы.

Сеть дивно хороша. Она неуловимо посверкивает, колеблясь от энергетических потоков, которые, сплетаясь по воле безупречной волибы, удерживают друга друга в сложной четырехмерной структуре.

Я понимаю, что крысиная ведьма — большой мастер.

— Встречалась с твоей матерью в прошлом году. В Новгороде, на семинаре по сейду, — подтверждает мои догадки крыса. — Какая она, я знаю, теперь хочу посмотреть, какая ты. Не противься, я вытяну все сама, ты только слушай... Там, вдали...

Я вслушиваюсь. Мелодия соблазнительна, но еле слышна, почти неразличима, и я трогаюсь с места, чтобы приблизиться к ней.

Двигаюсь и чувствую, как расступается вязкая муть. Сначала легким пунктиром обозначаются контуры, они наполняются тенями и светом, превращаясь в живые картины; прошлое клубится облаками и наплывает на будущее, и в этом смешении проступают образы настоящего. Фразы возникают одна за другой, исчезают и снова появляются, будто черный коготок подцепил нитку, и клубок воспоминаний, разматываясь, катится по тисовому лабиринту в поисках выхода — то скрываясь за поворотами, то вновь оказываясь на виду.

1

Я появилась на свет в Петербурге, но выросла в небольшом северном поселке. Родители, сами родом с Кольского полуострова, вернулись на родину сразу после завершения учебы. Отцу, блестяще окончившему Горный институт, предложили должность инженер-мага на Оленегорском Опытном, а маме, выпускнице Смольного, нашлось место при заводской библиотеке, где в зачарованном спецотделе хранилось немало старинных книг и манускриптов.

Детство мое можно смело назвать счастливым. Отец был умен, силен и в полной мере соответствовал понятию «настоящий мужчина», мать — добра и красива. Эти определения не значат, что мама уступала отцу в сооб-

разительности, просто ее ум со временем преобразовался в такую душевную легкость и теплоту, что душа, казалось, разливалась вокруг нее нежным сиянием.

Погодные чары, издавна наложенные на местность, где стоял поселок, смягчали суровый климат. Магический подземный Гольфстрим в этих местах образовывал петлю и подходил близко к поверхности. Невысокие синие горы, поросшие смешанным лесом, защитным кольцом окружали долину с трех сторон. В горах хранилось заповедное озеро с кристально чистой водой, водились косули, зайцы, белки и прочее незлобивое зверье. Зимы были щедрыми на снег, а короткое полярное лето здесь преображалось — было жарким, томным, неспешным и всегда медлило с уходом. Осенью я мысленно оглядывалась назад, и в памяти дни лета казались нескончаемыми: безмятежное белое солнце неподвижно висело между двумя пологими вершинами; таинственные токи земли, пробужденные и плененные заклинаниями, лениво обходили долину по кругу, навевая покой всем... и смутные мечты — возможно, мне одной.

Школа в Оленегорске была общая. Магически одаренных детей насчитывалось всего двенадцать человек. Открывать для них отдельное учебное заведение не имело смысла. Поскольку все мы были разного возраста, не получилось создать и отдельный класс. Две мои лучшие подружки-одноклассницы не замечали магию так же, как при безветренной погоде не ощущают воздух вокруг, и это ничуть не мешало нашей дружбе.

Курс обязательного магического минимума нам читали факультативно, а большему (при желании и под свою ответственность) могли научить родители. Империя не была в восторге от школьников, бегающих по улицам с волшебными палочками. Серьезным вещам начинали обучать только в высших учебных заведениях, и попадали туда далеко не все.

Пока в целях безопасности нам разрешали оживлять магию только в присутствии взрослых, которые должны были позаботиться о том, чтобы тайное оставалось тайным. Например, мама обучала меня азам волшбы только

в помещении библиотечного спецхрана, куда посторонние не могли попасть никоим образом.

Надо сказать, что на моей памяти запрет был нарушен всего один раз, когда Коля Малыгин, сын Михаила Васильевича, термист-мага из оружейного цеха, не совладал с гневом, заклинанием поджег сухую березу за спортивным магазином.

Колька был талантлив. Береза пылала неопалимой купиной почти сутки, пока взрослые не справились с зачарованным пламенем.

Михаил Васильевич, тоже человек горячий — недавно он имел дело с огнем, — сначала хотел преподать паршивцу урок с помощью увесистого пука жгучей горной крапивы, но потом сообразил, что это будет непедagogично, поскольку продемонстрирует, что яблочко от яблони недалеко падает, поэтому попросту на полгода запретил сыну пользоваться компьютером. Коля на коленях умолял поменять компьютер на крапиву, но Михаил Васильевич почувствовал, что находится на верном пути, и на замену не согласился.

Малыгинская слабость аукнулась всем «особо одаренным». Нам пришлось по второму разу прослушать курс магического обществоведения. Присланный из Москвы ментор, специалист по подростковым правонарушениям, невыносимо нудным манером снова и снова напоминал, что Тихая Империя, в отличие от Адской Конфедерации, выбрала путь ассимиляции и интеграции, и этого пути мы должны придерживаться несмотря ни на что.

Нам еще раз напомнили, что чуть более трехсот лет назад в валлийском королевстве Гвинед произошел всемирный сбор магического сообщества. У подножия горы Сноудон раскинулся лагерь, и в течение семи исторических дней маги определяли будущее нашей планеты.

Вопрос, что называется, назрел.

В мире царил сверхъестественный хаос, волшебство применялось часто и грубо, порой по самым незначительным поводам. Население, доведенное до нервного

срыва, ответило репрессиями и физическим уничтожением магически одаренных.

В результате недельных дебатов сообщество магов раскололось на две неравные части. Благоразумное большинство решило, что путь насильственного покорения человечества неэтичен и чреват всяческими кровавыми потрясениями. И кому, спрашивается, оно надо, когда кровавых потрясений у нас и так предостаточно, безо всякой магии.

Победили сторонники мягкого ухода в тень. Отныне волшебство для обычных людей оставалось только в сказках, мифах, на страницах книг и, позднее, на экране.

Все люди равны, но некоторые равнее... просто вы об этом никогда не узнаете.

Вскоре после Сноудонской встречи меньшинство, призывавшее к установлению колдовской диктатуры, все-таки попыталось эту самую диктатуру установить, но потерпело поражение. Папа говорил, что те события всегда напоминали ему гражданскую войну Севера и Юга — тот ее вариант, где проигравший Юг поднял из пыли поверженные знамена, забрал рабов, запасы хлопка, фамильное серебро, хлопнул дверью и гордо удалился осваивать соседние измерения.

Смутяны, снобы, доминанты, короли азарта — они ушли, и каждый второй из ушедших был высшим ведьмаком, а каждый первый — хищником до мозга костей.

Еще папа говорил, что вместе с ними ушла злая, но дерзкая и горячая кровь. С легким таким сожалением говорил, как говорят о том, что отпуск закончился и пора выходить на работу, — вроде как жаль, но ничего с этим не поделаешь.

Так возникли Тихая Империя и Адская Конфедерация.

Порталы, ведущие в измерения под властью Конфедерации, были наглухо запечатаны, а новообразованная Тихая Империя, подобно лох-несскому ящеру, вильнула зубчатым хвостом и навсегда ушла в глубину.

Потребовались столетия, чтобы Империя превратилась в более-менее цивилизованную державу, объединяющую магов всей планеты. Теперь мы все, безусловно, были добропорядочными гражданами тех стран, где нам посчастливилось проживать. Мы платили налоги, мы соблюдали законы, и мы свели к минимуму поступление магии в немагический мир.

...Все это было уже пройдено, зачеты сданы, тетради с конспектами благополучно упрятаны подальше, но пылкий Колька подложил нам свинью.

Май.

Я сижу, подперев голову рукой, и с тоской наблюдаю, как солнечные зайчики мечутся по поверхности школьной доски — темно-зеленой, с мраморными меловыми разводами.

Кто-то играет на флейте. Почему-то мне кажется, что это неправильно. Флейта тут не к месту. Или флейта к месту, а я — нет. Но мне так досадно тратить время на повторение уже изученного, что я мысленно отмахиваюсь от чувства несуразности происходящего.

— Мы хранители, мы стражи! — вещает тем временем московский гость, лысоватый, зато с очень волосатыми руками Павел Викторович. — Мы стоим на границе и оберегаем невинных!

— Над пропастью во ржи, — вполголоса добавляет Илюша Одинцов, старшеклассник, который всегда сидел рядом со мной на этих занятиях. Свой выбор Илюша объяснял тем, что я удивительно мало для девчонки говорю и правильно реагирую на его тонкий юмор. Спустя пару лет он стал добавлять, что и посмотреть на меня приятно, но это будет позже.

А сейчас я согласно хихикаю, разделяя ироническое отношение Илюши. Когда в доме собирались гости, папины сослуживцы с Завода или заезжие, за столом — под мамино домашнее вино из шикши — начинались жаркие споры обо всем на свете. Я, как и всякий порядочный ребенок, интенсивно грела уши, слоняясь поблизости, поэтому знала, что все обстоит далеко не так идиллически, как это обрисовывал столичный Павел Викторович.

Многие из тех, кто голосовал за мирный путь, не хотели афишировать наличие особых способностей, рассудив, что им и так будет неплохо. По сути, они не были такими уж гуманистами. Просто посчитали, что быть пастухом не так хлопотно, как волком. В немагическом мире волшебство — драгоценный товар, и Империя негласно, но весьма регулярно оказывала особые услуги тем, кто мог за это заплатить.

Нам, разумеется, излагалась официальная версия.

— И помните! Путь к хаосу может начаться с малого! Например, с бессмысленного поджигания деревьев! Это деяние только на первый взгляд кажется пустяковым...

И бла-бла-бла, и бла-бла-бла...

«Специально они, что ли, подбирают таких зануд?» — думаю я.

Мы сидим, уставившись в кривоватый, беспрестанно шевелящийся рот Павла Викторовича, и потихоньку соловеем.

Одинцов отрывает от тетрадного листка полоску бумаги, размашисто пишет: «Сегодня он поджег березу, а завтра магию продаст!», внизу изображает виселицу, на которой болтается человечек — ручки-ножки из палочек, и посылает записку Малыгину.

Тот читает и оглядывается на нас.

Мы синхронно показываем кулаки.

Колька покаянно роняет голову — догадывается, что над его головой сгущаются тучи.

Лекции мы были вынуждены прослушивать в течение двух месяцев по воскресеньям, с десяти утра и до полудня, и потеря этого золотого времени больно ударила по нашим свободолюбивым сердцам.

Мало того, занятия проходили под прикрытием хорового кружка. Проходящие мимо слышали, как из окон звучит «Имангра-озеро, чаша царей», исполняемая нестройными, но чистыми детскими голосами. Если бы некто любопытный все-таки заглянул в окно, то увидел бы, как в классе, где парты сдвинуты к стенам, полукругом стоят ученики и старательно разевают рты.

Позор на весь поселок.

Единственное, что нас утешает, — после отъезда психолога морок должен развеяться вместе с памятью о хоровом кружке.

«...Мирный саам и суровый помор к водам твоим приходили в ненастье...» — я вдруг начинаю различать слова песни, хотя морок предназначен для прохожих и должен быть слышен только на улице. Тем не менее я слышу пение, и кажется, будто я сижу на длинных качелях, чья-то сильная рука раскачивает меня... вверх... вниз... вверх... вниз... и флейта вторит словам про «красную нерку и жемчуг речной»...

— Шергина! — издалека слышу я. — Данимира!

Одинцов шепчет:

— Данька, проснись! — и толкает меня в бок.

Я подскакиваю с места.

— Повторите, что я сейчас говорил.

Первый раз за все время Павел Викторович обращается ко мне прямо. А я-то уж было начала верить, что чаша сия меня минует.

— Э-э-э... Мы оплот?..

Кое-что я все-таки слышала сквозь дрему. Про оплот точно что-то говорилось.

Павел Викторович внимательно на меня смотрит.

— Оплот чего? — Он с интересом наклоняет голову.

— Э-э-э... стабильности и прогресса?

— Именно так, Данимира, именно так. Но хотелось бы услышать, какими именно способами наша Империя добивается гармонии столь различных по своей сути явлений, каковыми являются стабильность и прогресс.

Слова московского гостя катятся по поверхности моего разума, как рассыпанные пластмассовые бусины. Но и я не лыком шита. Я подбираю слова Павла Викторовича, нанизываю их на нитку в другом порядке и произношу в ответ такую же гладкую речь.

«Съел?» — думаю я. Все учителя говорят мне, что я способная.

— Прекрасно, Данимира, прекрасно, — удовлетворенно произносит Павел Викторович. — А теперь рас-

скажите нам, что вы думаете о поступке вашего товарища Николая Малыгина.

Внезапно я чувствую острый приступ гнева. Я ощущаю, что безмерно устала от этого бессмысленного времяпровождения и что тоже с удовольствием что-нибудь бы подожгла. Колька, конечно, дурак, но мои мысли — это мое личное дело.

— Сегодня он поджег березу, а завтра магию продаст? — цитирую я записку Одинцова и таращусь с честным выражением, хотя внутренне усмехаюсь.

Лицо у меня невинное и безмятежное, это я унаследовала от мамы. Только мама — на самом деле такая, светлейшая из ведьм, а насчет себя я не уверена.

Психолог задумчиво смотрит на меня, потом неожиданно усмехается и становится похожим на человека. Оказывается, кроме рта у Павла Викторовича есть глаза — серо-зеленые, с пушистыми ресницами и со смешливой искоркой на дне зрачков.

«Это ведь он специально нудятину разводил, — вдруг догадываюсь я. — Чтоб запомнили на всю жизнь».

— Такое развитие событий намного вероятнее, чем вам кажется, Данимира Андреевна, — все так же усмехаясь, сообщает Павел Викторович. Из-за этой усмешки фраза звучит так, будто он отвечает на мои невысказанные слова. Может, он чтец мыслей? Редкая способность даже среди магов, но ведь встречается же.

Не успеваю обдумать эту возможность, как замечаю, что фигура передо мной размывается, серо-зеленые глаза бледнеют, остаются лишь зрачки, которые превращаются в блестящие черные бусинки на серой вытянутой морде.

— Ты завязла, — строго говорит морда голосом Павла Викторовича. — У тебя мало времени, двигайся дальше.

Странно. Раньше мне казалось, что дополнительные уроки по обществоведению — не лучшим образом проведенное время, а теперь не хочется уходить.

Здесь скучно, но безопасно, а там, куда мне придется идти, скверно.